УДК 811.51.512.3
ББК (Ш) 81
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-179-188

Ирина Александровна Ламожапова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Типология ономастических значений и семантика личных имён в монгольских языках

Статья посвящена разработке типологии ономастических значений и описанию семантики личных имён монгольских языков: бурятского, монгольского, калмыцкого. Материалом исследования послужили исконные личные имена – имена, образованные от общемонгольских, бурятских, калмыцких, общетюрко-монгольских апеллятивных основ, а также от исходных лексем других языков, которые функционируют в течение длительного времени, в связи с этим давно утратили свои этимологические основы и подчиняются языковым нормам современных монгольских языков. Они представлены в родословных таблицах, словарях, справочных материалах, научных трудах. При сравнительном анализе имён в основном применены ближайшие этимологии, дальнейшие этимологии даны спорадически.

Формирование, развитие антропонимических систем происходит под влиянием внешних (исторических) и внутренних факторов. Последние характеризуются противоречием между старой системой (закрепление и консервация) и новыми потребностями. Это отразилось на том, что в монгольских языках сохраняется общемонгольский и появляется инновационный пласты во всех выявленных ономастических значениях со своими семантическими полями, например, религиозно мотивированные имена: «X не человек, X есть … (X – денотат)» – имена от названий птиц. Инновация начинается со времени исторически сложившегося локального функционирования языков.

Ключевые слова: монгольские языки, личные имена, значение, понятие, семантика, признак, влияние имени, мотивация

Irina A. Lamozhapova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Typology of Onomastic Values and Semantics of Personal Names in the Mongolian Languages

The article is devoted to development of typology of the onomastic values and description of semantics of personal names in the Mongolian languages: Buryat, Mongolian, Kalmyk. The material of the research is primordial personal names, the names formed from the Mongolian, Buryat, Kalmyk, general Turkic-Mongolian appellative bases which have been used and also from initial lexemes of other languages which function for a long time and that is why they lost the etymological bases long ago and are subordinated to language standards of modern Mongolian languages. They are presented in genealogical tables, dictionaries, reference materials, and scientific works. In the comparative analysis of names, mostly the closest etymologies have been applied, further etymologies are given sporadically.

Formation and development of the anthroponomical systems happen under the influence of external (historical) and internal factors. The latter are characterized by contradiction between the old system (fixing and preservation) and new requirements. It resulted in the fact that in the Mongolian languages all-Mongolian stratum remains and innovative layer appears in all revealed onomastic values with its semantic fields, for example, religiously motivated names: “X is not the person, X is … (X – denotate)” – personal names from names of birds. The innovation has begun since historically developed local functioning of languages.

Keywords: Mongolian languages, personal names, value, concept, semantics, sign, influence of a name, motivation

© И. А. Ламожапова, 2016

Безусловно, личное имя является словесным знаком, который имеет собственное ономастическое значение, отличающееся от значения апеллятивной лексики. Ономастическое значение личного имени формируется на основе обобщения семантики апеллятивов в связи с внеязыковыми факторами – вероисповеданий, культуры. В разряд какого-либо ономастического значения вовлекаются предопределённые составляющие конкретного семантического поля обычной лексики.

Термин семантика (от греч. *sēmantikos* – «обозначающий; смысловая сторона языка, отдельных слов и частей слова») трактуется в двух направлениях: план содержания апеллятивов и значение личного имени. Безусловно, эти два составляющих плана содержания имени личного нужно рассматривать каждое отдельно с учётом их взаимосвязанности.

Вместе с тем отметим, что в обоих случаях подразумевается не номинация, а наименование денотатов, которое «в языке всегда содержательно, оно опосредованно мышлением» [27, с. 7]. Наименование – это процесс, это первичное образование имени, а номинация – это повторное присвоение готового имени, образующее тезоименность.

Стержневым вопросом является вопрос о соотношении понятия и значения. Мы отталкиваемся от того очевидного – в языке «незначащих слов нет», «поскольку почти все собственные имена происходят в конечном результате от нарицательных, семантика их вторична и более сложна» [23, с. 89–90]. Данное высказывание А. В. Суперанской стало общепринятым положением в ономастической науке. Рассмотрение семантики (значение) онимов подразумевает первоначальное представление нашего понимания значения имён нарицательных, которые вошли в состав онимической лексики.

Наше осмысление сути слова как знака имеет в своей основе отражательную теорию. В сознании человека отражается реальный внешний объективный мир, т. е. он первичен по отношению к его идеальному отражению [27, с. 19]. За данным общетеоретическим положением в языкознании последовала разработка термина денотат – реальный признак какого-либо предмета – объекта, а отображение этого признака в сознании, нашедшего фиксацию в языковой форме, – это сигнификат. Это отличие способствует чёткому разграничению значения языкового выражения объекта, к которому оно относится посредством указания только на одно из его свойств – денотат. Сигнификат – это языковедческий термин, равноправный термину «понятие», т. к. «предметно-гносеологическая направленность совпадает» [11, с. 106–107].

Учёные понимают эту связь достаточно разнообразно. Л. О. Резников [19, с. 32] говорит, что значение слова – это понятие. А. Шафф [29, с. 278] утверждает, что мнение о разграничении понятия и значения слова полностью неверно. В. М. Богуславский [3, с. 244] выдвигает мнение о том, что значение является частью понятия. С. Д. Кацнельсон [10, с. 18] считает, что концептуальное значение слова равно формальному понятию, в нём отображаются какие-либо бросающиеся в глаза яркие признаки. Е. М. Галкина-Федорук [7, с. 21] утверждает, что слово своим звуковым оформлением передаёт понятие, отображающее явление окружающей действительности. По мнению Б. А. Серебренникова [21, с. 53], значение слова взаимосвязано с наименьшим количеством дифференциальных признаков. Если этот минимум передаёт понятие, хотя и небольшое по своему объёму, то на каком основании значение должно представлять категорию, иную от понятия. Также учёный указывает, что были этапы – представление о предмете в результате опыта, необходимость дать название, ассоциация с другим предметом. Далее пишет: «Континуум объективного мира в разных языках может члениться по-разному и получать различное языковое выражение» [21, с. 70]. Затем раскрываются ситуации, подтверждающие, что не всегда понятие и значение совпадают: «Могут быть и такие случаи, когда понятия различаются в мышлении людей, но не имеют различения в языке» [21, с. 72].

Из вышеприведённого следует: понятие и значение (семантика) слов взаимосвязаны между собой, поскольку понятие отражается в идеальной стороне слова: «…содержание понятия выступает как общее по отношению к значению слова. В силу этого слово в процессе функционирования способно обретать множество значений» [14, с. 12]. Однако нам интересен вопрос о сущности именования в сфере лексики обычных слов для сравнения с природой именования в области онимической лексики.

Вполне соответствующим является следующее положение Фейербаха: «Чувственное восприятие даёт предмет, разум – название для него… Что такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представлением предмета, характеризующим предмет, чтобы представить себе в его тотальности».

Отображение в сознании предмета «в его тотальности», т. е. понятия, случается на основе одного признака. Из этого следует, что все остальные свойства предмета воздействуют на значение слова как исторически непостоянные элементы. Полисемантические ряды служат тому ярким примером.

Вопросу значения онимов в лингвистике посвящено много трудов учёных-ономастов. Он решался через устранение проблем теоретического плана. Долго не было высказано соответствующее определение «…многие исследователи вводят такие понятия, как актуальное значение, референтное значение, коммуникативный инвариант значения и т. д.» [24, с. 109]. А. Г. Митрошкина [15, с. 22–23] считает, что правильным в определении значения имени собственного будет осмысление того, что онимы – это разряд слов со специфической семантикой, лишённых понятийного содержания. О. Т. Молчанова [16, с. 143] полностью поддерживает указанный критерий разграничения обычной и онимической лексики и считает, что он является основополагающим.

Но вопрос специфики значения имени собственного в связи с его категорией – понятием – имеет положение дилеммы: в значении имени собственного есть понятийная категория и имя собственное не имеет понятийной категории. Мнения о понятийности имён собственных придерживаются В. А. Никонов, В. Д. Бондалетов. В. А. Никонов [17, с. 55] отмечает, что в личном имени Елена есть понятия «человек», «женщина» и указание на конкретную «вот эту» личность. В. Д. Бондалетов [5, с. 24] отмечает, что в трактовке об асемантичности имени собственного не учитывается то, что названный или называемый объект соотносится с другими объектами подобного типа, а также с другими типами схожих и несхожих предметов. Ленинград… Это город. Он стоит в одном ряду с другими городами – Москвой, Киевом, Минском, Одессой.

А. Г. Митрошкина возражает и считает, что вышеприведённые высказывания могут быть приняты в том случае, если упомянутые онимы относятся к одним и тем же ономастическим полям. Ведь Елена может быть не только женским личным именем, но и названием, например, магазина. Ленинград может выступать названием не только города, но и кинотеатра. Приводит яркий пример: Баргузин – это название населённого пункта в Республике Бурятия, название реки, название ветра на озере Байкал, название кинотеатра в г. Иркутске. Из вышесказанного следует, что семы «город», «ойконим», «женщина» и т. д. могут реализовываться в конкретных речевых ситуациях, т. е. при наличии сигнальных слов – город, село, кинотеатр и т. д. То есть в онимах данного типа не представлены понятийные семы [15, с. 22–23].

Другие учёные-ономасты находят связь значения имени собственного с энциклопедической информацией о денотате [4, с. 333]. Мы считаем, что данное определение не передаёт лингвистической сути онима, в которую «входят и особые мотивы именования, и специфика существования имени в языке, и его современное восприятие, и история имени, и этимология его основы» [24, с. 104].

В данном вопросе мы считаем приемлемым суждение А. Г. Митрошкиной [15, с. 24–28], которое гласит следующее. 1. Все трактовки о специфике значения (семантики) онима имеют в своей основе уже сформировавшиеся и действующие в языке единицы онимической лексики. Формирование каждой подсистемы языка имеет начало с создания её единиц в процессе функционирования языка как итог удовлетворения запроса в том или ином названии. И специфика семантической наполняемости онимической лексики более достоверно, убедительно определяется на базе исконных основ. Однако анализ данного пласта онимической лексики, особенно его содержательного плана предусматривает установление основных методологических принципов. Относительно антропонимических систем монгольских языков используем следующие положения. Языковедческое описание личных имён с учётом экстралингвистических факторов предусматривает непременное рассмотрение статуса антропонима в гносеологическом аспекте. Исходя из этого, полагаем, что процесс образования антропонимов – это наиболее значимый исходный момент гносеологической последовательности. Функционирование антропонимов в речи является обязательным условием образования дополнительных признаков, способных дифференцировать их от соответствующих апеллятивов. Последующими результатами сформировавшейся онимической подсистемы выступают инвариантность её единиц применительно перевода с языка на язык (т. е. непереводимость), специфика морфологических парадигм, синтаксическая валентность и т. д. 2. Когда образуются бурятские личные имена от определённых основ, можно отметить своеобразные типы и специфические изменения, модификации в структуре семантики отправных лексем. В тех

случаях, когда слово с единичной соотнесённостью обретает дополнительно языковую функцию идентификации данного объекта из ряда однородных объектов, а не лишь указания на объект в речевой ситуации, появляются новые слова – имена собственные. Это свидетельствуют наши примеры из именников монгольских языков: бур. *үхин*, монг. *охин*, калм. *окн* «девушка, девица» → *Үхин*, *Охин*, *Окн* – мужские личные имена.

Собственно к онимам, образованным от апеллятивных основ на базе их единичной соотнесённости с отдельно привлеченными реалиями того же ряда однородных, применимо доступное понятие онимов с открытой семантикой. Открытость семантики онимов вышеприведённого типа на начальном этапе функционирования в речевой практике детерминирована тем, что в них остаётся ещё апеллятив, на основе которого можно их ассоциативно соотнести к семантике соответствующих нарицательных слов. Это соотнесение присуще микротопонимам, поэтому допустим и перевод с языка на язык в условиях двуязычия. В то же время возможно ли полагать, что названия одного и того же объекта в двух языках, которыми владеет субъект, являются переводом? К примеру, бур. *Улаан хада* – рус. *Красная гора*. В данном примере отражен один и тот же признак в бурятском и русском языках. В других случаях, как обычно, топонимы не переводятся с языка на язык: *Хүнды – Кондуй*. А антропонимы абсолютно не подвергаются переводу: бур. *Шэмэг – Чимиг*, монг. *Энхбат – Энхбат*, калм. *Залһмж – Залгамджи*. Итак, подвергаются переводу с языка на язык только нарицательные имена, которые соотносятся с классом предметов.

Онимы, которые экспонентно не дифференцируются от соотвествующих апеллятивных основ, возможно трактовать как ещё не успевшие выработать свои формальные признаки или не имеющие на это языковых условий: личные имена типа бур., монг. *Гахай*, калм. *һаха* «свинья» экспонентно не модифицируются, однако по морфологическим свойствам – формами падежа, числа, являются именами собственными. У них экспонентно выраженная форма – форма винительного падежа (*Гахайе*, *Гахайг*, *һахаг*), не имеет форму множественного числа. Подобные личные имена и их апеллятивы имеют между собой омонимичные связи.

Имена собственные типа *Улаан хада* (ороним) и *Улаана* (личное имя), в которых экспонент *улаан* выражает определённый вариант – оттенок цвета – красный, А. Г. Митрошкина [14, с. 13] считает онимами, которые представляют один из многочисленных способов образования от нарицательных, т. е. путём применения нарицательных слов с соответствующим инвариантом для называния единичного в ряду другого рода с другим инвариантом. При этом отбор внепонятийного вариантного признака реалии для присвоения имени имеет объективный характер: бур. *Хүхэ нуур* «голубое озеро» – *Хүхэ* (гидроним – личное имя); монг. *Шар мөрөн* «жёлтая река» – *Шар*; калм. *Улан Зууха* «красная балка» – *Улан*.

Один из видов образования проявляется в религиозно обусловленных личных именах. Им присущим свойством является то, что в условиях их присвоения не выражены объективные признаки или обстоятельства рождения ребёнка: бур. *Бэлтэрэг*, монг. *Бэлтэрэг* «волчонок», калм. *Белтрг* «*табу* молодой волк»; бур. *Муухай*, *Магуун Доржо*, монг. *Муу*, *Муухай*, калм. *Му*, *Магу* «некрасивый; плохой, скверный». Мотивом привлечения апеллятивных основ в оборот именника была вера шаманистов в сверхъестественную силу имени. Они верили, что злые духи не заберут, не навредят новорождённому со скверным именем, такие имена будут устрашать их. Значит, в основе присвоения имени новорождённому не тот или иной его признак, а желание чего-либо, какого-либо признака в соответствии с религиозными убеждениями именующих.

У многих этносов религиозные воззрения, социальные факторы (форма общественной организации, психологические особенности во взаимоотношениях, желанность или нежеланность, особенности новорождённого и др.) могут быть условиями, мотивацией процесса образования и ономастических значений.

Ономастическое пространство у разных этносов имеют различные форму и степень влияния религии. Палийский ономастикон – пример высокой степени влияния мировой религии на процесс именования дискретных объектов. В. Н. Топоров [26, с. 47, 50] пишет, что в палийской традиции есть тенденция именования собственными именами всё, что касается высших авторитетов и ценностей в буддийской культуре. Собственными именами являются даже названия текстов разного уровня или доктрин, афоризмы, вопросы, ответы, загадки, проповеди, титулы, прозвища, болезни, жертвоприношения, подаяние милостыни, чудеса, чары, украшения, камни, кристаллы, оружие, порох, музыкальные инструменты, утвари, месяцы, дни, праздники, церемонии, деревья, растения, атрибуты мифологических персонажей, их эпитеты и т. д.

Как известно, огромное количество тибетско-санскритских имён в монгольских языках – результат влияния буддизма у монгольских народов. Набор канонизированных календарных личных имён греческого, древнеримского, древнееврейского, сирийского, египетского происхождений – христианства на Руси. Имена арабского языкового происхождения в тюркоязычной среде – ислама [8].

Велико влияние шаманизма на онимическую лексику. Однако в шаманизме не составлялся специальный список личных имён в отличие от мировых религий. Тем не менее, именно шаманистическое мировоззрение в основе выбора, присвоения имени новорождённому у монгольских народов. Учёные Г. Н. Потанин, М. Н. Хангалов, К. В. Вяткина, И. М. Манжигеев, К. Д. Басаева и другие детально описывают целую систему охранительных обрядов, которая соблюдалась, начиная с внутриутробного периода до взрослого возраста. Следует особо отметить, что обязательно у ребёнка был покровитель – *найжа*. Обычай *бөөгөөр найжа бариха* означал брать в качестве найжи шамана. У буддистов *найжа* – лама – также опекун ребенка. Шаман *найжа* совершал обряд очищения новорождённого, ставил защиту от злых духов – *боогол табиха*. Эта защита была словесная, была шаманским гимном. Г. Д. Санжеев записал этот гимн, из текста понятно, что ребёнок как бы сам себя защищает:

> «Огненная великая ограда – до конца света,
> Великая пепельная ограда – до конца века.
> Коричневый камень – изгородь моя,
> Чёрный камень – западня моя,
> Серый камень – ограда моя» [20, с. 546–547].

Понятны истоки весьма распространённых имён среди монгольских народов с семами огонь – бур. *Галнай* (жен.), монг. *Галхүү*, калм. *Һалахн* (жен.), камень – *Шулуун*, *Чулуун*, *Чолун*, чёрный – *Хара*, *Хар*, *Хар*, серый – бур. *Боро*, монг., калм. *Бор*. И верно мнение А. Г. Митрошкиной [14, с. 101] о том, что первоначально монгольские имена были синтаксическими формами типа *Мүнхэ болху* «станет вечным», которая в последствии эллиптировалась в *Мүнхэ*. Не могли не оказать влияние на структуру и семантику имён тексты шаманских гимнов, обрядов, ритуалов, названия их атрибутов и т. д. Полагаем, что эти тексты, возможно, ещё функционировали в языке родителей, близких родственников в полном или сокращённом виде в функции личного имени. То есть тексты не были преданы забвению в один миг. С течением времени они подвергались компрессии посредством эллиптирования до той формы, которая была удобна для функционирования в более широком социальном поле, чем семья. Возможно, бурятское имя *Таряан* (жен.) восходит к заклинанию типа «Таряан бүтэ тара, будаан бүтэ бударa» – как зерно, распространись, как просо, рассыпься (размножься) [2, с. 69]. Ср. калм. *Тәрә – тәрән* «хлеб, зерно». Сказанное можно подтвердить и другими многочисленными примерами из монгольских антропонимиконов. Вызывают большой интерес глагольные формы, а именно императивные: бурятское женское имя *Соли*, от него → безимперативное *Солиндой* (жен.); монгольское *Соль* «сменись (пол ребёнка)»; бурятское *Боли*, монгольское *Боль*, вероятно, «перестань (рождаться)»; калмыцкое *Цадг* «пусть насытится, наестся».

В связи с вышесказанным вообще нужно особо отметить, что одна из интересных особенностей именника монголов – двукомпонентные имена, в которых одним из экспонентов выступают глаголы в форме будущего времени, причём эти глаголы занимают постпозицию так же, как и в синтаксической единице монгольского языка – предложении: *Оч* «искра», *Өнө* «долго», *Улам* «ещё больше, всё более» + *бадрах* «процветать». Их по материалам Ч. Соднома [22] насчитывается 17. Примеры с глаголами *нэмэх* «дополнять, увеличиваться», *тогтох* «устанавливаться, утверждаться», *болох* «становиться» (их итого 20): *Билиг* «талант, дар» + *нэмэх*, *ɋлзий* «мир и счастье» + *тогтох*, *Сод* «выдающийся, мудрейший» + *болох*.

Следующий этап эллипсиса способствует образованию чисто глагольных имён: *Бадрах* «процветать, развиваться», *Баярлах* «радоваться, веселиться», бур. *Хүбүүлхэ* «родит мальчика». Это, можно сказать, магические имена, отражающие чаяния, упования, надежду родителей, близких на содействие личного имени на благолучие ребёнка.

Эти составные формы, безусловно, мы отличаем от по структуре схожих, но калькированных с китайского, тибетского языков имён: *Содномпил – Буяннэмэг* «пусть преумножится благодетель» [22, с. 33–34]. Практика калькирования – традиция и один из продуктивных способов обогащения монгольского антропонимикона, избежание тезоименности.

В связи со сказанным о составных личных именах в монгольских языках интересно заметить об их районированности по семантике в бурятском именнике: *Үлзы-Жаргал* «благоденствие, счастье» свойственно для восточнобурятского региона, а формы типа

Хара-Нохой «чёрная собака» – для западнобурятского. Эти имена – следствие конверсии обычной и исходной синтакической единицы – словосочетания.

Итак, компонентные формы личных имён монгольских именников с позиции семантики экспонентов имеют метоpативно-охранительное предназначение. С древних времён человек верил в чудодейственную, магическую силу имени. Эта вера универсальна. Об этом на материалах разных этносов написано немало трудов. Иноязычные по происхождению личные имена, которые утратили семантику своих основ, функционируют своим звучанием, а исконные оказывают влияние на судьбу человека значением своей соответственной апеллятивной основы. Известный писатель, библиограф С. Р. Минцлов ещё в начале XX века писал: «К числу туманных загадок, на которые натыкается разум, относится странное влияние имени на нравственный облик и на судьбу человека. Что такое влияние существует – сомневаться не приходится. Почему существует? На этот вопрос ответа, вероятно, никогда не будет» [25, с. 136].

Высказываются интересные теории о влиянии имени: социальная, эмоциональная, звуковая – музыка имён [25, с. 309–311]. Безусловно, мы не претендуем на абсолютизирование влияния имени на его носителя. Даже знаменитый профессор психологии Б. Хигир, более тридцати лет исследовавший это явление и на материалах многолетнего труда составивший справочник имён, пишет, что среди сотен и тысяч людских судеб, прошедших перед ним, ему встречались люди и семейные пары, счастливые вопреки всему [25, с. 6]. Всё же, едва ли надлежит игнорировать мудрый опыт предков. Издревле они придумывали и применяли всевозможные способы обретения детьми благополучия с помощью личных имён, причём наряду с прочими разнообразными возможностями. Так, у монгольских народов – это, кроме вышеупомянутых, табу на имя, явление соименования, инсценирование «продажи ребёнка» и др. [15].

Приведём интересные примеры из наших наблюдений. Буряты Восточного Прибайкалья и монголы Монголии считают, что бывают *хатуу нэрэ* «жёсткое имя» и *зөөлэн нэрэ* «мягкое имя». У бурят Агинского округа Забайкальского края были случаи обращения к представителям буддийского духовенства – ламам по поводу необъяснимой в медицине болезни, те в ответ им замечали: «Хүүгэн нэрэдээ диилдэнэ», т. е. «ребёнок угнетаем своим именем». После этого родители по наставлению ламы присваивают ребёнку другое, более подходящее ребёнку имя, например, *Сэрэн* – от тибет. *sruing* «сахюусан – талисман», и ребёнок полностью выздоравливает. Вообще считается, что имена типа *Саяан*, *Байгал – хатуу нэрэнүүд*, которые нежелательно было бы присваивать детям либо можно присваивать ребёнку, если ему подходит. В настоящее время возрождается традиция испрашивания у ламы имени, по астрологическим данным во всех отношениях более благоприятного для жизни ребёнка.

Наши наблюдения также показывают, что отдельные имена влияют на рождение последующего ребенка, на продолжительность жизни человека. Например, родители присваивают дочери имя *Бутидма* или *Бутид* «ведущая сына, имя даётся дочери в надежде, что родится сын» [6, с. 9]. И действительно немало случаев – после дочери с таким именем рождается сын. Интересны имена с начальным *сэ,* о чём при беседе лама Агинского дацана пояснил нам, что оно означает с тибетского языка «долголетие, долгая жизнь». Родные сёстры с именами *Сэрэгмаа*, *Сэбэг*, *Сэндэмэ* достигли почтенного возраста – более 80 лет.

Из материалов ономаста Н. Б. Алдаровой – женщина *Ангир* горестно недоумевала по поводу своего имени. Известно, что птица *ангир* «турпан» умерщвляет своих птенцов, оставляет лишь одного. Женщина полагала, что имя повлияло на её бездетность [1, с. 105].

В монгольской традиции практически все имена, которые образованы от названий крепких, прочных материалов, считаются «твёрдыми». А имена, образованные, к примеру, от названий цветов – «мягкими». Поверие о «твёрдых»/«мягких» именах имеет отношение не к отцовскому имени, а к имени матери. Так, дочери дали мужское имя *Гансүх* «стальной топор», чтобы было некоторое схождение с именем матери, у которой имя *Төмөр* «железо». Когда сильно заболела двоюродная сестра *Гансүх* по имени *Батсүх* «крепкий топор», родителям пришлось дать ей другое имя *Наранцэцэг* «подсолнух». Родители посчитали, что прежнее имя было неподходящим для девочки в отличие от имени матери – *Тогоо* «котёл» [12, с. 18–19].

Привлекает внимание пример – в монгольской семье всем шестерым сыновьям дали имена по традиции соименования, т. е. с начальным *Алтан*: *Алтангэрэл* «золотой свет, луч», *Алтанод* «золотая звезда», *Алтанхуяг* «золотой панцирь», *Алтансүх* «золотой топор», *Алтанхүү* «золотой мальчик»,

Алтантөгс «золотой конец». И имя последнего действительно повлияло на последующего рождённого сына, он в младенчестве умер, ведь в значении было заложено нежелание рождения ещё ребёнка.

Ономастические значения бурятских личных имён возведены в логическую типологию А. Г. Митрошкиной [14, с. 77]. Наряду с ними на материале монгольских языков: бурятском, монгольском, калмыцком – нами выявлены такие типы, как: имена, омонимичные названиям пищи, продуктов питания, и имена, образованные от литературных и других терминов. Мы считаем, что правомерно все ономастические значения распределить на религиозно обусловленные и социально мотивированные. К религиозно обусловленным относятся ономастические значения: «Х не есть человек, Х есть…» (Х – денотат); «Х есть некто»; числовая символика в антропонимии; обманные имена (имена, образованные от местоимений, частиц). К социально обусловленным: а) пожелательные – «Х будет таким-то»; «Х станет тем-то»; «Х сделает (должен) сделать то-то»; «после Х…»; б) описательные – «Х обладает таким-то признаком»; «Х родился при таких-то обстоятельствах»; имена, омонимичные литературным и другим терминам. Первое значение по объёму самое многочисленное, сюда относим имена, призванные охранять младенца путём отпугивания, устрашения, обмана; их апеллятивы с семами названий диких и домашних животных и их масти, птиц, рыб, насекомых, земноводных, пресмыкающихся, растений, металлов, минералов, небесных тел, предметов быта, оружий, украшений, названий этносов, частей тела, слов с негативными значениями, продуктов питания; замена женских/мужских имён. Следует отметить, что названия животных и их масти представлены в монгольских именах в большем количестве, нежели названия рыб – 181/11 соответственно, что обусловлено основным традиционным занятием монгольских народов.

Интересны материалы – имена, омонимичные названиям птиц. Для наглядности представим их. *Бурятские имена: Дальбарай – дальбараа* «птенец»; *Нугаһан* (жен.) «утка»; *Турлааг* (жен.) «ворона». *Бурятско-монгольские:* монг. *Өвөөлжин*, ср. бур. прозвище *Бүбөөлжин* (жен.) – «удод»; бур. *Тасхан* – ср. *тас шубуун* «орёл-ягнятник», монг. *Тасшубуу* – «гриф, кондор». *Бурятско-калмыцкие:* бур. *Ангир* (муж., жен.), калм. *Әңгр* (жен.); бур. *Бульжамуур* (жен.), калм. *Борлда* (жен.), *Торһа* (жен.) – «жаворонок», ср. запад. бур. *Боролдой*; бур. *Сонхор*, калм. *Шоңхр*, ср. др.-тюрк. *soŋqur* «кречет». *Монгольско-калмыцкие:* монг. *Алтан гургулдай* «соловей», калм. *һурвулда* «сова»; монг. *Богширго*, калм. *Богшурһа* «воробей»; монг. *Хун* – ср. бур. *хун шубуун* «лебедь», калм. *Хун* «лебедь; великий, могучий»; монг. *Хөхөө*, калм. *Көкә* (муж., жен.) – «кукушка». *Монгольские: Ангаахай* «птенец, птенчик»; *Ёл шубуу* – «ягнятник»; *Тагтаа* «голубь»; *Тарваж – tarbaǰa* «ястреб» [10, с. 4]; *Тогос* «павлин»; *Тоть* «попугай». *Калмыцкие*: Билә (жен.) – бил «селезень»; *Җиртә* «крылатый, пернатый»; *Йотун* «куропатка»; *Харада* (жен.) «ласточка»; *Цаха* – цах [цахъ] «чайка»; *Шигҗ* «канарейка»; *Шонтл* (жен.) «дятел»; *Шуура* – «осока». *Общемонгольские имена:* бур., монг. *Бүргэд*, калм. *Бүргд* «беркут»; бур. *Галуун* (жен.), монг. *Галуу*, калм. *һалун* «гусь»; бур. *Нашан*, калм. *Начн* «сокол», монг. *Начин* «сокол»; «первое (низшее) звание борцов»; бур. *Тахяа* (муж., жен.), монг. *Тахиа*, калм. *Така* «курица»; бур., монг. *Харцага*, калм. *Харцха – харцх* «ястреб»; бур. *Шубуухай* «птичка, пташка; воробей», монг. *Шувуу*, калм. *Шовун* «птица».

Итак, сравнение личных имён осуществлялось на основе данных, которые свидетельствовали о совпадении или несовпадении семантики апеллятивных основ от языка к языку в пределах ономастических значений. То есть выполнялась задача раскрытия функционирования/нефункционирования отдельных личных имён в регионах, определения универсальных и оригинальных черт в наборе апеллятивных форм антропонимических систем монгольских языков. При анализе имён в основном применены ближайшие этимологии, дальнейшие этимологии даны спорадически.

Формирование, развитие и функционирование систем именования индивидов, как и в апеллятивной лексике и её составляющих, протекает под действием определённых закономерностей под влиянием внешних и внутренних факторов. Внутренним фактором развития является «…противоречие между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» [13, с. 79]. Это противоречие способствует таким процессам, как «…процессы торможения, направленные на закрепление и консервацию имеющихся средств и препятствующие наступлению резких перемен» [28, с. 3].

«Тормозящее» действие сказалось в том, что именники монгольских народов сохраняют общемонгольский пласт, из подвергнутых анализу 1160 первичных, бесформантных единиц исконных личных имён общий набор

составил 13,7 % – 160 единиц. Также общий для монгольского и бурятского языков пласт – 8,9 %, бурятского и калмыцкого – 4,9 %, монгольского и калмыцкого – 8,7 % с разными комплектами апеллятивных основ. Система ономастических значений едина для всех антропонимиконов монгольских народов. Во всех именниках сохраняются общемонгольские ранние (исторические) формы: *Аригуун – arigun* «чистый, прозрачный, светлый, ясный». Она в современном бурятском языке фонолого-морфологически освоена.

Инновации для бурятского языка – 16,3 % (187 единиц), монгольского – 22,2 % (256), калмыцкого – 25,3 % (294). Семантические инновации характеризуются следующими типами: 1) одна и та структурная форма апеллятивной основы имени может выражать разную семантику в монгольских языках. Так, бур. *Базаг* «полный, пухлый (о ребёнке); неповоротливый, малоподвижный», а калм. *Базг* «энергичный, выносливый»; 2) разные структурные формы основ передают одно и то же понятие: монг. *Бамбай* – «валерьянка (лекарств.)», калм. *Бамба* «тюльпан»; 3) в исходных апеллятивах схвачены разные признаки одного и того же объекта: калмыцкое женское *Шонтл* «дятел» – ср. *шонтһр* «острый (о носе)», бурятское *тоншуул* «дятел» – ср. *тоншохо* «стучать»; 4) более дробное называние животных по возрасту, времени рождения и т. д. в одном языке при отсутствии подобного в другом: калм. *Һоһала* (жен.) «зайчонок весеннего приплода» и *Кирүлә* (жен.) «заяц (родившийся осенью), заяц-листопад»; 5) разные формы табуирования: калм. *Гилән* (жен.) «белый, светлый» вм. *Цаһан*; бур. *Ялаан* вм. *Сагаан*; 6) распад парных слов: калм. *Хура*, бур. *Бороо*. Дальнейшая этимология позволяет возвести их к парным словам, экспонент *Бороо* в них имеет тюркскую основу *бора*, *боран* «сильно дуть, буранить [18, т. 4, ч. 2, ст. 1662].

Оригинальные имена в калмыцком антропонимиконе – имена от названий частей тела, растений, отвлечённых понятий: *Гиҗгә* «затылок»; *Ома* «матка, утроба; священный»; *Эрвенг* «мята»; *Лууза* «запоминающий». Женское имя *Сэсэг* распространено у монголов, бурят, а для калмыков редкое имя, поскольку означает «оспа» наряду с общемонгольским значением «цветок». Функцинируют поздние тюркизмы: *Козлдур* «очки».

Не менее оригинальны некоторые черты имён в монгольском именнике. Это отглагольные составные имена (см. выше), и наличие таких замысловатых имён типа *Зогдор* «грива, длинная шерсть (у льва, верблюда)», *Тангалай* – ср. бур. *тангалай* «мягкое нёбо», *Жагар* «индиец», *Алдуул* «потерявшийся, заблудившийся», *Аягач* – *уст*. «служанка», *Хоргол* «помёт (овец, верблюдов)», *Шоодвор* «нелюбимый (о ребёнке)».

Оригинальны имена бурятского именника: *Диилэгшэ* «победитель», *Үлдэ* – императив от *үлдэ* – «гнать, выгонять, прогонять (нечистых)», *Алсагар* «раскоряченный». Новообразования у бурят появляются разными способами: воспроизводятся исторические формы – *Гэсэр*, *Түмүүжэн*; составляются композита: *Бурдина* (жен.) – сращение начальных слогов названий республик *Бурятия* и *Индонезия* – мать бурятка, отец индонезиец. Здесь видно в слоге второго названия позиционное изменение звука на начальную позицию для удобопроизношения. *Улан-Деж* – от *Улан-Удэ* и *Джакарта*. Во втором компоненте – слогообразующая гласная.

Развитие именников монгольских народов определено особенностями культурного наследия: новое для бурят имя из Гэсэриды, а калмыки присваивают детям имена всех героев эпоса «Джангар» – *Санал*, *Савр*, *Баатр*, *Мерген*, *Мингиян*, *Хонгор*, *Джангар*, *Джангариада* (жен.), *Бумба* (жен.) – название сказочной страны в эпосе.

Итак, корпус начальных апеллятивных основ имеет расхождения от языка к языку. Интенсивный процесс образований новых форм в монгольских антропонимконах происходит именно со времени их исторически сложившегося локального функционирования.

Антропонимия каждого этноса – категория историческая, которая особенным образом реагирует на значимые события, истоки именований универсальны. В то же время одни типы переходят в разряд исторических, другие получают новое зарождение. Антропонимическая система – самая консервативная и самая мобильная система.

Список литературы

1. Алдарова Н. Б. О зооморфных антропонимах в монгольских языках // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. С. 103–107.

2. Басаева К. Д. Брак и семья у бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1991. 192 с.

3. Богуславский В. М. Слово и понятие // Мышление и язык. М., 1957. С. 213–275.

4. Болотов В. И. К вопросу о значении имён собственных // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 333–345.
5. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 222 с.
6. Бурятские имена / И. В. Сотников. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 2000. 23 с.
7. Галкина-Федорук Е. М. Слово и понятие. М.: Учпедгиз, 1956. 54 с.
8. Гафуров А. Лев и Кипарис: о восточных именах. М.: Наука, 1971 с.
9. Дондогой Д.-Н. Монгол хэлэ бэшэгэй үндэhэн. Улаан-Үдэ: Бэлиг, 1995. 152 х.
10. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965. 110 с.
11. Колшанский Г. В. Лингвогносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация: общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 99–146.
12. Курсовая работа Цэнгэдашавын Отгонцэцэг. Иркутск: ИГУ, 1980. 23 с.
13. Ломтев Г. П. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания // Вопр. философии. 1953. № 5.
14. Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.
15. Митрошкина А. Г. Личные имена бурят. Иркутск: ИГУ, 1995. 377 с.
16. Молчанова О. Т. К семантике имени собственного // Проблемы теории и методики языка. Ярославль, 1980. С. 139–148.
17. Никонов В. А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: проблемы антропонимии. М., 1970. С. 38–56.
18. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1893–1911.
19. Резников Л. О. Понятие и слово. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. 124 с.
20. Санжеев Г. Д. Песнопения аларских бурят // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 3. Вып. 2. С. 459–552.
21. Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 9–95.
22. Содном Ч. Монгол хүний нэрийн тухай // Монголын судлалын зарим асуудал (Studia Mongolika, t. 4, f. 14). Улаанбаатар: ШУА, 1964. Н. 27–134.
23. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
24. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. М.: Наука, 1986. 256 с.
25. Тайна имени / П. Флоренский [и др.]. Харьков: Основа, 1994. 605 с.
26. Топоров В. Н. О палийской топономастике // Топонимика Востока. Исследование и материалы. М.: Наука, 1969. С. 31–50.
27. Уфимцева Э. С. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация: общие вопр. М.: Наука, 1977. С. 7–98.
28. Филин Ф. П. О лексике древнерусского языка // Вопр. языкознания. 1982. № 2.
29. Шафф А. Введение в семантику. М.: Изд-во ин. лит., 1963. 376 с.

References

1. Aldarova N. B. O zoomorfnykh antroponimakh v mongol'skikh yazykakh // Onomastika Povolzh'ya. Saransk, 1976. S. 103–107.
2. Basaeva K. D. Brak i sem'ya u buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Ulan-Ude: Bur. kn. izd-vo, 1991. 192 s.
3. Boguslavskii V. M. Slovo i ponyatie // Myshlenie i yazyk. M., 1957. S. 213–275.
4. Bolotov V. I. K voprosu o znachenii imen sobstvennykh // Vostochnoslavyanskaya onomastika. M., 1972. S. 333–345.
5. Bondaletov V. D. Russkaya onomastika. M.: Prosveshchenie, 1983. 222 s.
6. Buryatskie imena / I. V. Sotnikov. Ulan-Ude: Bur. kn. izd-vo, 2000. 23 s.
7. Galkina-Fedoruk E. M. Slovo i ponyatie. M.: Uchpedgiz, 1956. 54 s.
8. Gafurov A. Lev i Kiparis: o vostochnykh imenakh. M.: Nauka, 1971 s.
9. Dondogoi D.-N. Mongol khele beshegei үndehen. Ulaan-Yde: Belig, 1995. 152 kh.
10. Katsnel'son S. D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie. M.; L.: Nauka, 1965. 110 s.
11. Kolshanskii G. V. Lingvognoseologicheskie osnovy yazykovoi nominatsii // Yazykovaya nominatsiya: obshchie voprosy. M.: Nauka, 1977. S. 99–146.
12. Kursovaya rabota Tsengedashavyn Otgontsetseg. Irkutsk: IGU, 1980. 23 s.
13. Lomtev G. P. O sootvetstvii grammaticheskikh sredstv yazyka potrebnostyam vzaimoponimaniya // Vopr. filosofii. 1953. № 5.
14. Mitroshkina A. G. Buryatskaya antroponimiya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 224 s.
15. Mitroshkina A. G. Lichnye imena buryat. Irkutsk: IGU, 1995. 377 s.
16. Molchanova O. T. K semantike imeni sobstvennogo // Problemy teorii i metodiki yazyka. Yaroslavl', 1980. S. 139–148.
17. Nikonov V. A. Zadachi i metody antroponimiki // Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: problemy antroponimii. M., 1970. S. 38–56.

18. Radlov V. V. Opyt slovarya tyurkskikh narechii: v 4 t. SPb., 1893–1911.
19. Reznikov L. O. Ponyatie i slovo. L.: Izd-vo LGU, 1958. 124 s.
20. Sanzheev G. D. Pesnopeniya alarskikh buryat // Zap. kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee AN SSSR. L.: Izd-vo AN SSSR, 1928. T. 3. Vyp. 2. S. 459–552.
21. Serebrennikov B. A. K probleme sushchnosti yazyka // Obshchee yazykoznanie: formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka. M.: Nauka, 1970. S. 9–95.
22. Sodnom Ch. Mongol khγnii neriin tukhai // Mongolyn sudlalyn zarim asuudal (Studia Mongolika, t. 4, f. 14). Ulaanbaatar: ShUA, 1964. N. 27–134.
23. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. M.: Nauka, 1973. 366 s.
24. Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovanii / A. V. Superanskaya, V. E. Staltmane, N. V. Podol'skaya, A. Kh. Sultanov. M.: Nauka, 1986. 256 s.
25. Taina imeni / P. Florenskii [i dr.]. Khar'kov: Osnova, 1994. 605 s.
26. Toporov V. N. O paliiskoi toponomastike // Toponimika Vostoka. Issledovanie i materialy. M.: Nauka, 1969. S. 31–50.
27. Ufimtseva E. S. Lingvisticheskaya sushchnost' i aspekty nominatsii // Yazykovaya nominatsiya: obshchie vopr. M.: Nauka, 1977. S. 7–98.
28. Filin F. P. O leksike drevnerusskogo yazyka // Vopr. yazykoznaniya. 1982. № 2.
29. Shaff A. Vvedenie v semantiku. M.: Izd-vo in. lit., 1963. 376 s.

Библиографическое описание статьи

Ламожапова И. А. Типология ономастических значений и семантика личных имён в монгольских языках // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 179–188. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-179-188.

Reference to article

Lamozhapova I. A. Typology of Onomastic Values and Semantics of Personal Names in the Mongolian Languages // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 179–188. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-179-188.

Статья поступила в редакцию 27.02.2016